

Игорь Шестков "Сюрприз"

СЮРПРИЗ

Коридор вроде пуст. Сегодня женскую. Да, эту. Ворсистую. Давно тут лежит.

Ждет меня. Надо дырочку заткнуть...

Цап ее за мягкие бока крашеными когтями. И под кофточку.

Это ты, ты сделала меня такой...

В туалете никого, заранее проверено. Только вонь в воздухе как топор висит.

Моча, месячные и духи. Наверно эта гадюка, Скрипкина, душилась... Как может Ашотур Ашотурович такую дрянь в постели терпеть? Секретарша она! Грязная, потная, мстительная тварь. Блондинка...

Дверочку закрыть. Крючок надежный. Не отлетит? Нет. Сиденье скверное.

Смотреть тошно – на унитазе несмытое дерьмо. В женском туалете!

Из меня капает кровь. Дырявое брюхо! Вначале новую ватку положим. А старую завернем в газетку и выкинем. В Правдочку. Ручки помоем...

А теперь присядем и посмотрим. Что же там, в сумочке? Кто-кто в теремочке живет? Тяжеленькое что-то. И объемное. Так... застежечка позолоченая. Шарик на изогнутых лапках. Ну вот, открылся, чертог алмазный. Купюры – в лифчик.

Мелочь – в кошелек. А это что же тут такое? А вот мы сейчас...

Господи... Кровь! Кровь! Кровь из чрева богородицы...

...

Я видел окровавленную женщину. С ног до головы. Или, точнее – с головы до ног, потому что кровь явно лилась сверху вниз, с головы на грудь, на живот, на руки и ноги. Я встретил ее на выходе из ворот нашего института. Она вылетела как испуганная ласточка из гнезда и наверное натолкнулась бы на меня и вымазала бы кровью, если бы я, пораженный ее ужасным видом и сотрясающими ее рыданиями, не отпрянул в последний момент. Я очень ловкий. Глянув на меня своими безумными глазами, она метнулась в сторону и неправдоподобно быстро убежала в сторону автобусной остановки на Мичуринском проспекте. Мне показалось, что она бежит как пантера, на

четырех ногах.

...

Окровавленная женщина не была на самом деле ни окровавлена, ни ранена, ни даже поцарапана, а была жестоко облита красной краской. И облила ее не какая-нибудь завистница и не хулиган, а московская милиция. Печальная и поучительная история!

На втором этаже нашего института располагалась библиотека. Перед входом в нее стоял открытый шкаф с полками для сумок и портфелей, которые в библиотеку заносить запрещалось.

И уже годы... о, это проклятое несовершенство человеческой природы... уже годы кто-то бесстыдно обворовывал посетителей библиотеки. Раз или два в месяц неизвестный вор похищал сумки, портфели и дипломаты, потрошил их где-то в укромном месте, забирал все ценное и ставил на место, в шкаф. Работал аккуратно, отпечатков пальцев не оставлял, украденные вещи потом нигде не объявлялись. Видеокамер тогда еще не было. Поэтому дирекция института обратилась в милицию. Милиция положила в библиотечный шкаф специальную сумку. Слегка ворсистую, зеленовато-коричневую, с разводами и пятнами. На открывшего ее человека из спрятанного в ней под рублями, трешками и мелочью черного резинового пузыря извергалась под сильным давлением струя пенящейся красной несмываемой краски. Поздним вечером посвященная в тайну вахтерша забирала сумку из шкафа, а на следующий день клала ее в него опять. Милиция назвала операцию по поимке библиотечного вора – «Сюрприз».

...

Женщина-вор, Лидия М-а, которую в ее лаборатории все звали просто Лидочка, украла сумку с сюрпризом не сразу. Может быть, что-то чувствовала. Или она ей просто не нравилась. Старомодная была сумочка. Импортная. Под питона. Пять месяцев сюрприз мирно лежал в шкафу, а Лидочка брала другие сумки, портфели, дипломаты. Заносила их в находящийся напротив библиотечного шкафа женский туалет. Запиралась в кабинке и спокойно творила там свое черное дело. Потом, убедившись в том, что в туалете никого нет, выходила из кабинки, осторожно заглядывала в коридор, одним быстрым движением ставила сумку на место и исчезала. Так должно было случиться и в тот, роковой для нее

день.

Лидочка открыла сумку-сюрприз в туалете, забрала деньги, потрогала пузырь, механизм сработал, и ей в лицо ударила струя краски. Страх пронизал все ее существо, она попыталась отмыть хотя бы лицо и руки в умывальнике – но не тут то было! В панике, она бросила адскую сумку и как сумасшедшая побежала по коридору к выходу из института. Испугало ее не то, что она – разоблачена как воришка, не то, что ее уволят и возможно посадят, обо всем этом она и не думала, испугало ее то, что ее увидят в таком виде другие сотрудники института. Лидочка была очень застенчива. Некоторые даже считали ее эдакой жеманной неженкой.

Напрасно она боялась – никто ее, бегущую, не видел! Лидочка пролетела, как трепетная лань, весь наш длиннющий коридор и никого не встретила, никого не было и на парадной лестнице... Даже вахтерши на выходе не было, ушла завтракать или обедать. Единственным повстречавшимся ей сотрудником института был я. Но я позабыл бы о ней через пять минут. Потому что был обыкновенным московским эгоистом и трусом. За свои неполные двадцать пять лет жизни в Москве я видел так много жуткого, кровавого, что привык никак не реагировать и по возможности не вмешиваться ни во что. Знал, что зло может мгновенно обернуться против меня. Стоит только на него внимательно посмотреть. А за помощь человеку в беде в Москве можно было заплатить жизнью. Об операции «Сюрприз» я и понятия не имел.

Лидочке почти повезло...

Если бы она не налетела случайно на автобусной остановке на сотрудницу ее лаборатории, свою давнюю подругу Надежду Ларину – никто бы никогда не узнал, кто потрошит портфели и дипломаты из библиотечного шкафа. Но она налетела. Даже слегка замарала краской рукав новой сиреневой кофточки Лариной.

Добросердечная Ларина захотела помочь окровавленной подруге. Предложила отвезти ее в больницу на такси или вызвать скорую из автомата у кинотеатра «Литва». Но та от помощи отказалась, пробормотала, рыдая и дрожа: Нет, нет! Кровь, кровь в сумке, дырявое брюхо! – и убежала.

Ларина была так ошеломлена, что решила не ездить в тот день на семинар в

академическом институте, на котором обсуждалась интересующая ее тема, а возвратилась в институт, чтобы проверить, все ли в их лаборатории в порядке, и заодно попытаться отмыть от краски пострадавший рукав. Может быть и другие сотрудники ранены? Взрыв на экспериментальной установке? Диверсия? Война? Интрига?

Убедившись, что все в лаборатории в порядке, Ларина попыталась отстирать рукав. Поняв, что это невозможно, Ларина тяжело вздохнула, завернула кофточку в целлофановый пакет и положила ее в сумку, набросила на плечи элегантный рабочий пиджачок и отправилась в дирекцию, поболтать с секретаршей Скрипкиной, которой немножко льстила из карьерных соображений. Ее жгла и мучила тайна, хотелось с кем-нибудь поделиться.

Рассказала Скрипкиной о случившемся на остановке, не называя однако имени окровавленной. Секретарша хоть и была осведомлена о милицейской операции, но не сразу догадалась, что эта, окровавленная, и есть библиотечный вор. А когда догадалась, сделала огромные глаза и посвятила Ларину в подробности «Сюрприза». И выведала таки имя злодейки. Дело пошло своим чередом...

Надо отдать Лариной должное, она не выдала бы Лидочку... если бы у нее самой три месяца назад не была обчищена спортивная сумка, неосторожно оставленная в шкафу у библиотеки. Больше всего ее поразило тогда то, что кроме денег, из ее сумки пропали личные предметы, не имеющие вроде бы никакой материальной ценности – губная помада «Рассвет», треснувшее зеркальце, дешёвый лак для ногтей, фотография их завлаба с надписью «Дорогой Надюше», выдавшие виды кеды, старенькое полотенце, старомодный купальник и почти пустая пачка заграничных гигиенических тампонов «Люкс», привезенных ей любовником из Португалии. Любовником этим был этот самый завлаб с фотографии, импозантный армянин со звонким в науке именем. В послепутчевые времена его поймали с поличным во время получения взятки в десять тысяч долларов за помощь одному малограмотному таджику в написании докторской диссертации. Но не посадили, потому что и судья в свою очередь получила взятку.

...

Несмотря на свой кошмарный вид, Лидочка поймала тогда на остановке такси и поехала домой. Таксисту сказала, что на нее из-за халатности кладовщицы упали

банки с лако-красочными материалами. Шарахнувшейся от нее на лестничной клетке соседке Мареванне она заявила, что это ее сожитель облил ее красными чернилами, приревновав к знакомому. А сожителю ничтоже сумняшеся наврала, что ее окатила краской «эта сука Скрипкина». Из мести. Потому что «на нее никто не смотрит, а на меня все институтские мужики пялятся».

Лидочка – как и все вруны – верила в свое вранье. Когда врала, не понимала, что врет, когда воровала, не осознавала, что нарушает закон. Не понимала даже, что кого-то обижает, унижает, лишает чего-то. Как будто в ней был переключатель. В модусе воровства – она воровала, легко и естественно, как дышала, в модусе вранья – так же легко лгала, и только в модусе «обычная жизнь» Лидочка вечно испытывала затруднения. Какая-то непонятная сила тянула ее непонятно куда, кидала и вертела ее, как бычок в унитазе. Лидочка все время безуспешно пыталась освободиться, убежать то ли от судьбы, то ли от самой себя, а в результате только глубже погружалась в рутину, как в бездонную трясиину. Воровство спасало ее от отчаянья. Развлекало. Дома, в одном из отделений большого трехстворчатого шкафа Лидочка хранила свои трофеи. Регулярно вытирала с них пыль, щупала их, нюхала. Любовалась ими, как Чичиков – содержанием своей заветной шкатулки.

Не будем, дорогой читатель, слишком строги к несчастной Лидочке! Жизнь бессмысленна, жестока и коротка, каждый пытается прожить ее как может. Некоторые любят содержание своих заветных шкафчиков, Бог с ними, с блаженными!

...

Дома Лидочка попыталась отмыться бензином. Удалось это ей только частично. Но через неделю она уже смогла выходить на улицу. Забрала белье из прачечной. Зашла в продуктовый. Забежала в поликлинику и взяла у знакомой врачихи Дмитриевой задним числом бюллетень. Подарила Дмитриевой за услугу лак для ногтей и безразмерные колготки...

Даже устроила небольшой арьергардный скандал с Мареванной из-за «игры на баяне и диких криках и визгах до трех часов ночи»...

– Что вы каждый день празднуете? – терзала уже не красная, но еще слегка розоватая лицом Лидочка гнусавую, почвенную, с мордой кирпичом старушку

Мареванну.

– Наша жизнь всегда веселая, вот мы и шумим, – ответила морда кирпичом и добавила ехидно, – мы не как некоторые, которые в красных чернилах купаются...

...

Из института Лидочку уволили, но уголовного дела заводить не стали – ее энергичный начальник, тот самый завлаб-взяточник уговорил директора и майора милиции Струхина, курировавшего операцию «Сюрприз», этого не делать. Очень уж не хотелось завлабу оказаться самому как-то втянутым в эту неприятную историю.

Не досмотрел за подчиненными...

Не проводил воспитательную работу...

Моральный облик советских ученых в лаборатории...

Кроме того, он подозревал, что некоторые его враги не забыли то, что у него и у Лидочки лет восемь назад... еще до Лариной... да лучше и не вспоминать...

Он эту чертову советскую кухню знал насквозь, потому что и сам обвинял других на партсобраниях в подобных грехах. А так, уволили просто, по сокращению штатов, и концы в воде. Милитону Струхину правда пришлось подарить пять бутылок Бехеровки, которую завлаб прихватил во время последней командировки в Прагу и мастерски скрыл от таможни, и тот глушил ее стаканами, жаловался потом жене на головные боли и ругал чехов, вместо того, чтобы добавлять благородный напиток в Столичную маленькими ложечками и пить понемногу, как ему советовал опытный завлаб.

Директору же было обещано, что вместе с завлабом в очередную заграничную командировку поедет референтом его двоюродный племянник, толстый, ленивый и прыщавый молодой ученый сорока двух лет, палец о палец не ударивший в науке, живший бобылем, мечтавший о смазливых малолетках и о канувшей в Лету ветчине, в отпускное время фанатически собиравший коллекцию сердоликов и аметистов на Кара-Даге. Коллекция эта кстати, ловко и во время проданная какому-то полусумасшедшему «новому русскому», любителю пестрых камешков, спасла племянника от голодухи в первой половине девяностых годов.

...

Найти другую работу в каком-либо московском институте Лидочке не удалось. Сожитель ее, младший ее на одиннадцать лет авиационный инженер, ушел от нее через несколько месяцев после истории с «сюрпризом» к молодой и красивой кришнаитке Люсе. Пришлось выезжать из его комфортабельной кооперативной квартиры в шестнадцатипятиэтажке на Островитянова и переезжать к старенькой матери, в однокомнатную хрущевку недалеко от метро «Проспект Вернадского».

Во время переезда случилось несчастье – пропали все лидочкины трофеи.

Видимо, грузчики украли заветные ящики. В милицию Лидочка естественно о пропаже не заявила...

Полубезумная старушка-мать часто плакала и умоляла дочь оставить ее в покое.

Внезапно обострился юношеский гастрит, о котором Лидочка уже забыла.

Поседели волосы...

На фоне всего этого у Лидочки началось психическое расстройство. Ей мерещились бывшие сослуживцы, которые внезапно, из ничего, появлялись рядом с ней, дули на нее и умоляли ее вернуть им украденное, совали ей в лицо свои окровавленные сумки и портфели. Несколько раз она, осознавая свое безумие, пыталась объяснить им, что у нее ничего нет, что все украли. Но зловещие призраки только беззвучно хохотали. А Лидочка шептала им иступленно: Отстаньте от меня... Украли все... Нет ничего... Только дырявое брюхо осталось... Отвяжитесь... Кровь, кровь из чрева богородицы...

Через месяц после начала заболевания Лидочка не выдержала пытки и попыталась покончить с собой – перерезала вены на левой руке в ванне и начала неестественно хохотать. Как филин заухала. Мать услышала хохот, увидела кровь и вызвала скорую. Лидочка загремела в психиатрическую клинику, где повела себя неумно. Вместо того, чтобы помалкивать, тихо и покорно выполнять все предписания и приказы врачей и санитаров и выплевывать лекарства, она лекарства глотала, подробно рассказывала психиатрам о своих кошмарах, а на реакцию и действия врачей реагировала истерически. Хохотала и кричала истошно: Дырявое брюхо! Кровь в сумочке! Кровь!

Попытка убежать из клиники не закончилась ничем. Лидочку привязали к кровати. Через четыре месяца она умерла. Залечили.